

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

«ЧТО НЕ ПОДВЛАСТНО МНЕ?»

(Опыт эмоциональной раскадровки)

Аннотация. Цель исследования – анализ монолога барона Филиппа в трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь». В маленьких трагедиях Пушкина раскрыто огромное психологическое богатство. Психология как область знаний ещё только зарождается. Но разве гению нужны книжные познания? Он прозревает правду характеров, логику человеческих страстей. Пушкин бесстрашно раскрывает двойственность человеческих чувств. Он показывает, как одно эмоциональное состояние может незаметно перерасти в собственную противоположность, которая пряталась на дне победоносного чувства. Упоение властью рождает в душе барона страх и смутное ощущение бедствия. Страх как таковой отделяется от трепета, глубинного эмоционального состояния, которое не подвластно логике: «...и страшно, и приятно вместе». Не зря же Альбер обращается к ростовщику с парадоксальным приветствием: «Проклятый жид, почтенный Соломон».

В статье использованы методы психологического и лингвистического исследования: расшифровка амбивалентности человеческих чувств, анализ эмоциональных состояний и речи героя. Автор обращается также к современному пушкиноведению.

В статье делается попытка самостоятельной режиссерской раскадровки монолога Скупого рыцаря из маленькой трагедии Пушкина. Автор пытается актуализировать подтекст стихотворных строк, выявить парадоксальность логики чувств. Одновременно в статье содержится стремление проиллюстрировать реплики Скупого рыцаря ссылками на современное психологическое знание. Анализ содержания маленькой трагедии включается таким образом в феноменологию чувственного мира людей.

Ключевые слова: пушкиноведение, маленькие трагедии, богатство, власть, страсть, страх, трепет, чувства, амбивалентность, метафора.

Abstract. The purpose of the research is to analyse the monologue of Philip the baron in Alexander Pushkin's tragedy 'The Miserable Knight'. Pushkin's little tragedies are enormously rich in psychological findings. As a branch of science, psychology was only about to be born, but a true genius does not need to read books. He looks into the nature of personalities and human passions. Pushkin fearlessly reveals the duality of human feelings. He demonstrates that one emotional state may insensibly turn into the opposite emotion which was hidden at the bottom of the triumphant feeling. The feeling of unlimited power creates fear and uncertain sensation of a catastrophe in the baron's heart. The fear as it is distinguished from the awe which is a deeper emotional state unexplainable by logic when 'it is both fear and pleasure'. It is not an accident that Albert addresses to the moneylender with a paradoxical greeting: 'Damn Jude, honorable Solomon'. In his research Gurevich has used the methods of psychological and linguistic analysis such as decoding of ambivalent human feelings, analysis of emotional states and the character's speech. Gurevich also appeals to modern Pushkin studies and makes an attempt to carry out his own storyboarding of the monologue of the Miserable Knight from Pushkin's little tragedy. The author also tries to actualize the message of the poem and to define paradoxical logic of feelings. At the same time, in his article Gurevich tries to illustrate the Miserable Knight's speech with references to modern psychology. Thus, analysis of the little tragedy's content is included into the phenomenology of people's sensible world.

Key words: Pushkin studies, little tragedies, richness, power, passion, fear, awe, feelings, ambivalency, metaphor.

Смысл маленькой трагедии Пушкина «Скупой рыцарь» выражен в пространным монологе барона Филиппа. Ревнитель богатства и властолюбия спускается в свой тайный подвал, к верным сундукам. Сценическое действие

в этом месте по сути дела лишается динамики. Барон один, никто не врывается в его пространство, золото сияет в своих хранилищах. Скупой рыцарь переживает свой «счастливый день». Однако какое богатство человеческих эмоций выражено поэтом

в этом монологе: упоение властью, ирония и сарказм, притворное самоумаление, тревога и разочарование, гнев и презрение, нежность и ядовитость.

Попробуем обозначить эту партитуру человеческих переживаний в её очевидных контрастах и глубине. Попытаемся отыскать разные интонации в монологе, который посвящён лишь одной теме – власти богатства. Возможно, барон не сразу упивается своим могуществом. Первые строчки он произносит легкомысленно, без затей. Барон еще не «разогрет» эмоционально, привязан к впечатлениям жизненных подробностей, которые пробегают за пределами подвала. Своё сошествие в подвал, своё нетерпение он сравнивает с чувствами молодого повесы, ждущего любовного свидания. А может быть, Скупой рыцарь неслучайно вспоминает молодого повесу, лукавую развратницу или обманутую дуру. Он ненавидит эти подробности легкомысленной жизни. Они раздражают его и столь нагло противостоят его пониманию человеческой судьбы, что барон сразу вкладывает в эти строчки свою ехидность.

Однако барона уже захватывают подвальные картины.

*Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.*

Он во власти предвкушений. Возможно, фраза «счастливый день!» звучит мечтательно, как грёза, как кристаллизация ожиданий. Не исключено, что эти слова Скупой рыцарь произносит как выкрик, фальцетом. Он не может отдаться чувствам спокойно, они его захватывают, он уже не владеет своим внутренним миром.

*Счастливый день! Могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук ещё неполный)
Горсть золота накопленного всыпать.*

Хорошо ли, что сундук ещё не заполнен? Барон произносит эти слова с мукой, с болью. Или, напротив, с выражением заметной нежности к сундуку, который сейчас, именно в этот миг получит положенного ему злата: «Горсть золота накопленного всыпать». Барона охватывают воспоминания о блаженной рыцарской жизни, о временах подвигов и странствий. Он впадает в состояние нравоучительства, он хочет объяснить тайны земного существования. Он смутно видит перед собой сына Альбера, которому мнится, будто богатство падает с неба, щедро и без труда.

*Не много кажется, но понемногу
Сокровища растут.*

Барон прекрасно знает, что груды золота не вырастают мгновенно, по мановению руки. Но ему хочется отыскать доводы и сравнения, метафоры и нравоучения, которые подтверждали бы его философию.

*Слышал я
Где-то, что царь однажды воинам своим
Велел снести земли по горсти в кучу,
И гордый холм возвысился – и царь
Мог с вышины с весельем озирать
И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли.*

Из горсти земли вырастает холм, который приносит могущество. Довод убийственный. Барон купается в своём красноречии, упоён своей метафорой. Но вдруг впадает в состояние притворности кротости, самоумаления, вроде бы умышленно лишая себя похвалы и почитания. Он скромнен до самоунижения.

*Так я, по горсти бедной принося
Привычну дань мою сюда в подвал,
Вознес мой холм.*

Маска ханжеской приbedнённости слетает. Умышленное обозначение своей незначительности сменяется ощущением властности.

*И с высоты его
Могу взирать на всё, что мне подвластно.*

Апофеоз власти рождает в душе барона гордость и уверенность в своём могуществе. Но фразу «Что не подвластно мне?», Скупой рыцарь произносит не вопросительно, а гневно. Пусть растают сомнения у тех, кто ещё не убеждён в его мощи. Пусть эти люди объявятся, пусть дерзнут усомнитьсяся.

*Что не подвластно мне? Как некий демон
Отселе миром править я могу...
Лишь захочу – воздвигнутся чертоги
В великолепные мои сады сбегутся Нимфы
Резвою толпою.
И музы дань свою мне принесут.*

Все ли охотно примут его власть? Пожалуй, нет. Есть на Земле гордые гении.

Поэтому фразу «И вольный гений мне поработится» барон произносит с вызовом, сердито, гневаясь на этих упрямец.

И далее уже утвердительно, жёстко, безапелляционно:

*И добродетель, и бессонный труд
Смирно будут ждать моей награды.*

Барона, что называется, понесло. Он наслаждается властью. Он лицедействует, изображая «окравленное злодейство»... Здесь и злобность, и ядовитость, и колкость.

*Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползёт окравленное злодейство,
И руку станет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.*

Но можно допустить, что далее барона охватывают смутные страхи. Ведь он выражает своё состояние, словно пытаясь справиться со своими предчувствиями. Точно ли власть его безгранична?

*Мне всё послушно, я же ничему.
Я выше всех желаний. Я спокоен.*

В самом деле, откуда эта фраза «я спокоен»? Ведь ни о какой тревоге не было ни полслова. Полное ощущение своей непобедимости – и вдруг словно для себя, для утоления нарастающей тревоги – «Я спокоен». Барон уговаривает сам себя.

*Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья...*

Отныне страх уже не покидает барона. Он ищет его причины и не сразу понимает, чем вызвана эта грызущая тревога. Скупой рыцарь поражён, что каждый раз, когда он открывает сундуки, его посещают одни и те же состояния.

*Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, впадаю в жар и в трепет...
Не страх (о нет!), кого бояться мне.
При мне мой меч: за золото отвечает
Честной булат. Но сердце мне теснит
Какое-то неведомое чувство.*

Гений Пушкина достигает здесь особой прозорливости. Он сообщает нам об особом устройстве человеческих чувств. Они всегда и по определению двойственны. Позже, уже в XX в. Фрейд назовет это амбивалентностью. В изнанке каждого человеческого чувства таится его противоположность. В любви прячется ненависть, в бесстрашии – пугливость, в гордости – смирение. В словах барона – поразительное наитие, озарение.

*Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность,
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.*

Так всё-таки страх, который вызывает и глубокое наслаждение. Но возможно ли такое? Можно ли получать наслаждение, от чувства, которое чревато страданием, зовом гибели? Пушкин знает: такое возможно. Это станет темой его «Пира во время чумы».

*Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...*

Барон неожиданно постигает причины собственного страха. Он осознаёт, что власть его не беспредельна, не всеильна. Здесь в подвале рождается страшная мысль о бесплодности всех его упований. Блаженство оказывается мнимым, предательским.

*Я царствую! Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава.*

Однако кто станет наследником? Кому достанутся все эти богатства. Сыну?

Маленькая трагедия Пушкина заканчивается, как известно, нравоучительно: «Ужасный век! Ужасные сердца!». Режиссёрская фантазия могла бы продлить сценическое действие. Всё, о чём мучительно размышляет барон, может получить действительное воплощение. Что будет? Барон умер, и тут вбегают толпа жадных ласкателей, которые устраивают своеобразную Вальпургиеву ночь.

*Безумец, расточитель молодой,
Развертников разгульных собеседник!
Едва умру, он, он! Сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды
С толпой ласкателей придворных жадных,
Украва ключи у трупа моего,
Он сундуки со смехом отперёт,
И потекут сокровища мои
В атласные диравые карманы.*

Сюжет сомкнулся. Не зря, с дурным предчувствием барон говорил о молодом повесе. Вот оно предсказанное прорицание.

*Он разобьёт священные сосуды,
Он грязь елеем царским напоит –
Он расточит... А по какому праву?*

Никакого права у наследника нет. Он бесправно замыслил убить отца. И герцог даже грозил ему судом. Скупой рыцарь в конце монолога не просто стра-

дает, мучается кончиной. Он достигает величия как человек, отстаивающий своё право, как провидец, как рыцарь, вдруг усомнившийся во власти золота.

Список литературы:

1. Пушкин А.С. Маленькие трагедии. СПб.: Азбука, 2011. 201 с.
2. Джанумов С.А. «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина как авторский цикл: учеб. пособие. М.: МГПУ, 2013. 143 с.
3. Александрова Е.Г. Идеино-композиционные решения цикла «Маленькие трагедии» в аспекте нравственно-философской позиции А.С. Пушкина. Омск: ОмГА, 2011. 178 с.
4. Гальцева Рената, Роднянская Ирина. К портретам русских мыслителей. М.: Петроглиф: Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ, 2012. 758 с.
5. Гершензон Михаил. Избранное. Тройственный образ совершенства / Сост. С.Я. Левит, Л.Т. Мильская. 2-е изд. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 640 с.
6. Померанц Григорий. Страстная односторонность и бесстрашие духа. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 618 с.
7. Звучащие смыслы: Альманах / Сост. и отв. ред. С.Я. Левит и др. СПб.: Изд-во С.-Петерб ун-та, 2007. 784 с.
8. Спирова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 336 с.

References (transliteration):

1. Pushkin A.S. Malen'kie tragedii. SPb.: Azbuka, 2011. 201 s.
2. Dzhanumov S.A. «Malen'kie tragedii» A.S. Pushkina kak avtorskii tsikl: ucheb. posobie. M.: MGPU, 2013. 143 s.
3. Aleksandrova E.G. Ideino-kompozitsionnye resheniya tsikla «Malen'kie tragedii» v aspekte нравstvenno-filosofskoi pozitsii A.S. Pushkina. Omsk: OmGA, 2011. 178 s.
4. Gal'tseva Renata, Rodnyanskaya Irina. K portretam russkikh myslitelei. M.: Petroglif: Patriarshee podvor'e khramadomovogo mts. Tatiany pri MGU, 2012. 758 s.
5. Gershenzon Mikhail. Izbrannoe. Troistvennyi obraz sovershenstva / Sost. S.Ya. Levit, L.T. Mil'skaya. 2-e izd. M.-SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 640 s.
6. Pomerants Grigorii. Strastnaya odnostoronnost' i besstrashie dukha. M.-SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2014. 618 s.
7. Zvuchashchie smysly: Al'manakh / Sost. i отв. red. S.Ya. Levit i др. SPb.: Izd-vo S.-Peterb un-ta, 2007. 784 s.
8. Spirova E.M. Filosofsko-antropologicheskoe sodержanie simvola. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2011. 336 s.